

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

1. Общие проблемы теории национализма

Макс Вебер, один из признанных теоретиков национализма и националист по убеждениям, предупреждал, что построение любых общих теорий национализма обречено на неудачу¹⁾. Он объяснял это сложностью проблем, заложенных в самой природе национализма. В самом деле, на сегодняшний день среди ученых нет консенсуса при определении ключевых понятий национализма, нет единства при постановке теоретических задач, характеризующих данное явление, наконец, существуют различия в ценностном отношении к национализму. Вследствие этого возникают совершенно нелепые и противоположные точки зрения при оценке, например, национал-социализма в Германии в 1920–1930-е годы XX века или идеологии государственного национализма в Японии в 1930–1940-е годы. Эти исторические события, причины и цели использования националистической идеологии властями того или иного государства в конкретный исторический период разногласно трактуются их современниками и свидетелями, с одной стороны, а с другой, – их потомками многие десятилетия спустя.

В сущности, ни одной из существующих теорий национализма никогда не удавалось комплексно проанализировать весь спектр вопросов, имеющих отношение к данной проблематике. А это означало бы теоретически систематизировать проблемы происхождения и формирования этносов, определить природу этноцентризма как основы формирования этнических сообществ, выявить содержание национальной идентичности, социальных, культурных и политических основ нации, установить характер националистических идеологий и движений и их роль в возникновении национализма, а также методы использования государством национализма в своих политических интересах. Наконец, в тот же круг изучаемых проблем теории национализма должно было бы входить и выявление значения разных национализмов

для культуры мира, их геополитическое влияние, возможности создания межнациональных сообществ и многие иные аспекты этой поистине «необъятной проблематики»²⁾.

И все же, несмотря на все это, вывод о невозможности теоретического осмысления национализма выглядел бы излишне пессимистичным. Общая теория национализма объективно необходима по причине заметно возрастающего воздействия этого явления на другие области общественной жизни, особенно на международную политику и стабильность в мире. Разработка такой теории позволила бы не только понять саму природу явления, но и подсказать лидерам ведущих мировых держав перспективы и пределы реализуемых ими в своих странах политических проектов, обеспечивая при этом национальную безопасность и стабильность.

Можно утверждать, что ученые, изучающие различные аспекты национализма, смогли внести свой вклад в разработку общей теории национализма, заметно расширив наши познания в данной области. Если во второй половине XX века ученые фокусировали основное внимание на идеологии государственного национализма, то в исследованиях начала XXI века больше внимания стало уделяться изучению разных аспектов этнического национализма, заметно реанимировавшего свое влияние после окончания «холодной войны». В поле зрения ученых сегодня находятся проблемы влияния национального языка на подъем националистических настроений в обществе, системы ценностей, оценки национальной истории, исторической памяти и т.п.

Каждая из крупных научных школ в области национализма, а именно: примордиалистская, перенниалистическая, этносимволическая, модернистская и постмодернистская – вносили свой мощный теоретический вклад в осмысление сути данного явления. Примордиалисты (примордиализм – одно из теоретических направлений в этнологии, рассматривающее этнос как изначальное и неизменное объединение людей «по крови» с неизменными признаками) считали национализм природным феноменом (гены, ландшафт). С ними не были согласны примордиалисты-конструктивисты, отрицавшие изначальную заданность этнических свойств национализмов в пользу благоприобретенных его свойств, т.е. свойств, полученных в результате воспитания, образования, деятельности СМИ и т.п. культурной деятельности. Примордиалисты традиционно стремились в первую очередь осмыслить такие особенности нации, как склонность ее членов к самопожертвованию ради блага всей нации, выявить причины, порождающие сильные чувства коллективной принадлежности. Последователь-

ными примордиалистами были К. Маркс, Ф. Энгельс, польский этнограф и историк Францишек Генрик Духинский, многие представители немецкой романтической философии с её «кровью и почвой» и «вечным возвращением к Природе». Среди представителей последней можно назвать Иоганна Гердера. Для Гердера, например, нация была синонимом языковой группы, а национальный язык – синонимом мысли, поскольку язык можно изучать только в национальной общности, а каждая общность думает по-разному, по-своему³). После Второй мировой войны взгляды примордиалистов стали все больше эволюционировать в сторону конструктивистских подходов, согласно которым природа нации рассматривается как конструкт, созданный в первую очередь политическими технологиями и политиками в национальных интересах. В отличие от примордиалистов, считавших национализм природным феноменом, конструктивисты утверждают, что маленького ребёнка можно воспитать, кем угодно, внушить ему какую угодно систему ценностей, которую он будет любить и уважать до конца своей жизни⁴).

Перенниалистическая школа теории национализма рассматривает его с точки зрения «longue durée», т.е. долговременных факторов исторического развития нации, непрерывных во времени. Перенниалисты склонны видеть в национализме скорее результат фундаментальных этнических взаимоотношений внутри нации, чем следствие манипуляции общественным сознанием в политических интересах. Такие исследователи-перенниалисты, как Фишман, Армстронг, Сетон-Уотсон, Коннро и Горовитц, всегда отдавали должное значению общего национального языка, этнических связей, а также силы мифов о происхождении нации, что и способствовало горячей народной поддержке национальных чувств и любви к родине. Причем перенниалисты были убеждены, что приливы националистических волн могут повторяться в национальной истории⁵).

Этносимволическая школа в исследованиях по национализму показывает, как современные национализмы заново открывают и истолковывают национальные символы, мифы, воспоминания, ценности и традиции истории. Эти особенности национализма изучали Армстронг, Хатчинсон, Энтони Смит. Этносимволисты убеждены, что символы, ценности и мифы формируют национальные традиции субъективного и объективного восприятия исторических измерений нации. Они помогают объяснить, каким образом власти используют, например, национальные мифы для оправдания этнической уникальности нации, сакраментальности ее происхождения и т.п.

Модернисты исследуют поведение правящих элит по формированию политики мобилизации нации с использованием новых средств и методов в целях нейтрализации возрастающих политических требований общества к управлению государством, к поддержанию в нем достойных условий существования. Андерсон и Хобсбаум детально исследовали использование властями новых сетей коммуникации и национальной символики в стимулировании националистических настроений в обществе. Манн, Бройи, Тилли и Гидденс исследуют роль государства, бюрократии и создание образа врага для консолидации национального самосознания. Брасс и Хэтчер изучают интересы правящих элит в стимулировании националистических настроений в современных обществах, Хрох и Нейрон – анализируют роль национальной интеллигенции в этих процессах.

Наконец, постмодернисты свои исследования посвящают проблеме «постнационального» миропорядка в условиях глобализации не только экономической и политической жизни разных суверенных государств, но и насаждения глобальной культуры и системы ценностей. В этой области работают такие ученые, как Бхабха, Чаттерджи и Ювал-Дэвис, а также Мосс, Шлезингер, Кандийоти, Брубейкер и Биллинг.

И всё же, несмотря на усилия большой армии ученых-теоретиков, работающих по проблемам современного национализма, общей теории национализма вплоть до настоящего времени так и не создано. Теоретическая мысль глубоко расколота и фрагментарно разбросана между различными школами, представители которых, особенно примордиалисты, модернисты и перенниалисты, продолжают вести горячие споры о природе национализма и факторах, способствующих его ренессансу после окончания «холодной войны».

Вместе с тем теоретические исследования по национализму остаются весьма актуальной научной задачей. На современном этапе можно выделить ряд универсальных факторов, которые влияют на подъем националистических умонастроений общественного самосознания. Во-первых, это заинтересованность государства в поддержании высокого уровня национализма в обществе, в укреплении чувства преданности своих сограждан власти, в мобилизации их электоральных возможностей для сохранения существующей власти, на формирование сплоченности нации в рамках государства.

Во-вторых, подъем националистических настроений в обществе есть фактор обеспечения защиты национальной территории, поскольку они предполагают «защиту святых для каждого мест» своей Родины, нерушимость национальных границ и государственных рубежей.

В-третьих, подъем национализма – это политика защиты национального родного языка. Раскручивание в обществе движений за «родной язык и языковое возрождение», политика ограничений на использование «неродного» языка, исключение его из школьных программ, дискриминация граждан по языковому принципу – все это способствует нагнетанию в обществе агрессивного национализма, ведет к росту этнической преданности и к усилению национальных чувств.

В-четвертых, рост национализма предполагает подключение к этому процессу религии, церкви и духовенства. XXI век начался всплеском религиозных национализмов, наполнением повседневной жизни современного общества религиозными верованиями и настроениями. Одновременно заинтересованные слои общества и политики нагнетают идеи об этнической избранности адептов той или иной религии, мобилизуют их на основе единой веры для реализации своих политических целей.

В-пятых, подъему национализма способствует переписывание национальной истории. Принимая во внимание центральную роль «истории» и историописания в формировании националистических настроений, государство может в своих интересах «корректировать» историю, активно влиять на формирование нового исторического сознания в обществе, на воспитание новых поколений с чувством преемственности национального развития в истории. Власти готовы создавать новые проекты «этноисторий», делая всякий раз акцент на «золотых веках» в истории развития нации.

В-шестых, прилив национализма сопровождается пересмотром национальных праздников, ритуалов, государственных символов и церемоний. С учетом центральной роли мифов об истоках и происхождении нации, роль национальных праздников, памятников и обрядов поминовения, особенно тех, в которых чтят павших «великих усопших» и павших героев, – этот фактор стал приобретать особую весомость в националистической пропаганде.

В силу всех этих причин национализм как государственная идеология и этническое явление объективно требует новых объяснений и толкования тех сложных проблем, с которыми сталкиваются многие государства в своей внутренней и внешней политике.

2. Японский национализм в контексте мировых теорий национализма

Японские ученые никогда не разрабатывали собственной теории национализма, поскольку в этом для них не было необходимости.

В японском языке нет даже специального термина «национализм». Как уже отмечалось, японское понимание этого явления далеко отстоит от восприятия «национализма» и «националистов» европейцами, которые преимущественно трактуют эти понятия в негативном смысле слова. Однако в японском языке и то и другое понятие имеют исключительно положительное значение, ибо национализм, государство и народность в сознании японцев неотделимые субстанции. И обусловлено это тем решающим обстоятельством, что национализм в Японии никогда не был абстрактной теорией, он рассматривался властями страны и обществом как крайне важная идеология и политическая практика.

Национализм как государственная идеология в Японии традиционно политически обслуживал государство-нацию. Он помогал в истории развития японского этатизма отстаивать национальный суверенитет над территорией и ее подданными, избегать колонизации Японии со стороны Запада. В этих целях, опираясь на националистическую идеологию, государство консолидировало нацию для ведения войн, как агрессивных, так и оборонительных, повышало уровень эксплуатации населения на добровольной основе, увеличивало налогообложение и вообще эффективно обеспечивало государственный контроль над обществом. Так было в период управления Японией военным правительством сёгуната, так было и после восстановления в результате революции Мэйдзи в 1868 году императорской формы правления. Японские власти исторически рассматривали национализм как важнейший политический инструмент консолидации общества для решения сложнейших задач модернизации страны и защиты национального суверенитета.

Теоретическое осмысление национализма в Японии можно проводить с позиций историков-регионоведов, неплохо осведомленных об особенностях национального развития страны, но можно – и с позиций ученых-социологов, не привязанных к истории конкретных стран, но владеющих теориями национализма. Симбиоз таких специалистов, на наш взгляд, в принципе позволяет шире охватывать изучением такую многоаспектную и многофакторную проблему, как японский национализм, который остается сложным политическим и этническим явлением, несмотря на глобализирующийся мир и «мир без границ» XXI века. Национализм в Японии не только сохраняет многие свои традиционные черты, но и динамично развивается, оставаясь чрезвычайно востребованным инструментом управления обществом в руках правящей элиты.

Из наиболее известных направлений теоретической мысли о природе национализма, а именно социокультурной теории Эрне-

ста Геллнера, соединяющей нацию и национализм с потребностями выработки «высокой культуры» для нужд модернизации и промышленного развития, социоэкономической теории Тома Нейрона и Майкла Хэтчера, выводящей национализм из соображений рациональной эксплуатации мировой экономики и социально-экономических интересов индивидов, идеологической теории Эли Кедури, а также Брюса Капферера и Марка Юргенсмайера, которые рассматривали национализм как систему убеждений, суррогата религий и связывали его зарождение и мощь с изменениями в сфере идей и убеждений, нам представляется, что наиболее применимой к Японии можно считать теорию, сфокусированную на политической природе национализма, которая была разработана такими признанными учеными-теоретиками, как Чарльз Тилли, Энтони Гидденс, Майкл Манн и Джон Бройи. Эти ученые в первую очередь рассматривали взаимоотношения национализма с политическими интересами власти, элит и государства⁶⁾.

Формирование японского национализма укладывается в определение, данное Энтони Гидденсом в его известной работе «Государство-нация и насилие». В ней Гидденс подчеркивал, что государство есть «территориально ограниченное национальное образование, опирающееся на военную и полицейскую силу», а нация и национализм – есть его важнейшие отличительные черты. «Нация, по Гидденсу, есть общность, существующая на четкой ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируется государственным аппаратом»⁷⁾. Гидденс определяет национализм как преимущественно психологическое явление, как «приверженность индивидов к совокупности символов и верований, придающих особое значение чувству общности у представителей данного политического порядка»⁸⁾. Прав Гидденс, когда подчеркивает, что национальное государство и национализм появляются только тогда, когда «столица» государства начинает отправлять свои постоянные управленческие функции. Именно за это на протяжении нескольких столетий в XII–XIX веках в Японии боролись лидеры нескольких японских сёгунатов. Они интуитивно руководствовались идеей, что нация формируется только в ходе государственной централизации и административной экспансии, так как государство есть «важнейшее вместилище власти, обладающее национальными границами».

Национализм в Японии появился задолго до Нового времени, и в этом отношении его возникновение и формирование выходят за исторические рамки политических модернистов. Национализм в Японии, по сути, стартовал одновременно со становлением японского государства, в котором понятие «Родина» уже было

переплетено с мифами о божественном происхождении государства Ямато от Богини неба Аматэрасу Омиками, которая и являлась «носителем» этих националистических идеалов⁹⁾. Национализм в Японии изначально выступал, с одной стороны, как особая восприимчивость островной нации к своему суверенитету и независимости, а с другой, – как выражение особого пиетета к высшей власти, к тому же, божественного происхождения, которая этот суверенитет надежно защищала в истории государства. В этом, нам представляется, и была историческая «рациональность выбора» японцев, которым трудно было себя представить в роли колонии Запада, зависимой и подконтрольной иностранному государству.

Поэтому национализм в Японии был изначально обречен развиваться как «неизбежно государственный и политический», тогда как «культурному национализму», который по определению всегда находится в подчиненном положении по отношению к «политическому», в национальной истории Японии отводилось второстепенное место. Последний мог бы занять лидирующее положение в массовом сознании по отношению к «политическому национализму» только в случае провала последнего, что, впрочем, однажды имело место в истории страны, когда Япония потерпела поражение во Второй мировой войне и была оккупирована войсками США в 1945 году. Однако и в тех условиях в японском обществе не находилось большого числа сторонников «культурного, этнического национализма», так как он не обладал столь необходимой «коллективной энергией», которой обладает только «политический, государственный национализм», нацеленный на то, чтобы отстаивать национальный суверенитет и независимость.

Национализм и нация оказались значимыми в истории Японии лишь постольку, поскольку они всегда были связаны с государством. В Японии нация не обладала независимым концептуальным статусом вне своей связи с государством, всегда была инкорпорирована в понятие государства и никогда не существовала независимо от него. Японцы в своей истории отдавали жизни не за абстрактную нацию как «сообщество незнакомцев», а за весьма конкретное государство-нацию, с которым они ощущали тесную психологическую связь, даже если они и не были знакомы с большинством его представителей, ради которых они были готовы идти на реальные жертвы.

Вместе с тем, национализм в Японии охватывал не только одну идею политического сообщества или служил средством государственной власти, но всегда был тесно связан с культурным сообществом, т.е. с народом – «миндзоку», проживающим на своей исторической и духовной «родине»¹⁰⁾.

Японская нация была сформирована государством в результате его экономической и военной деятельности. Согласно Чарльзу Тилли, именно государство возникает раньше нации, тогда как последняя является лишь простой конструкцией, зависящей от государства по своей силе и значению, а потому никогда не бывает самостоятельной¹¹). Государство в Японии возникло в результате внутренних, гражданских войн, т.е. «войны создавали государство в Японии», а уже потом оно само вело войны. Войны и конфликты были двигателями процесса создания государства в Японии и процесса формирования японской нации. Именно поэтому впоследствии японский национализм расширял и углублял роль войны как консолидирующее начало нации. Японские националисты считали войну необходимой для выживания нации и культурных ценностей, ее олицетворяемых. По мере роста промышленного производства и военных технологий массового уничтожения с конца XIX и в первой половине XX века этот идеал способствовал переходу Японии к участию в серии крупных международных конфликтов. Такой переход сопровождался интернационализацией участия японского государства в системе международных отношений и растущим его проникновением в повседневную жизнь японцев от имени нации.

Роль перманентных войн и конфликтов, в которых участвовала Япония и которые работали на укрепление японского национализма, была действительно значимой. Майкл Манн писал по этому поводу, что войны вообще обладают первостепенной важностью в процессе формирования национализма¹²). Так же как Тилли и Гидденс, являясь убежденным модернистом, Манн утверждал, что военно-политические факторы играли важную роль в становлении наций и национализма. И этому теоретическому посылу мы находим достаточно подтверждений в японской истории, в которой на протяжении длительного периода XII–XIX веков шел процесс консолидации нации и национализма именно под руководством военной формы правления – бакуфу (полевая ставка), а после революции Мэйдзи – императорского правления. В эти периоды формировалось ядро «агрессивного японского национализма», число сторонников которого постепенно увеличивалось по мере роста милитаристского капиталистического государства, социального расслоения в обществе, объективной необходимости для правящей элиты внешних захватов рынков сырья и рынков сбыта для сохранения власти и выживания нации в условиях обострения борьбы между великими мировыми державами за сферы влияния и контроля в системе международных отношений.

Согласно политической теории национализма, в Японии государство всегда довлело над жизнью своих подданных. Однако в отличие от национализма Европы в Японии его развитие никогда не являлось составляющей широкого движения за демократию. Именно этим, вероятно, и можно объяснить агрессивную природу японского национализма. Национализм в Японии не развивался как реакция на авторитарные, милитаризованные действия государства, которое беспрепятственно вторгалось в семейную жизнь японцев, в религию и систему образования, подчиняло их своим интересам. Национализм в Японии формировался ее властями, которые внушали народу, что его частные интересы и национальные интересы государства есть одно целое. В результате народ был приучен к тому, что он есть составная часть милитаризованного сообщества, которое защищает его интересы, но взамен оно рассчитывает получить лояльность и исполнение гражданами долга перед нацией.

Рассматривая национализм в Японии с позиций интересов государства как продукт гармонических, а не конфликтных отношений, следует обратить внимание на то, что японские националисты всегда поддерживали государство в вопросе расширения национальных границ. Более того, для них было нормальным и даже «естественным» решение проблемы расширения национальных границ с использованием силы¹³). Если, например, обратиться к попыткам Японии уже в XXI веке вернуть российские территории в районе Южных Курил, то нельзя не заметить, что националисты апеллируют при этом к чувству «родины», к возвращению исконных, а потому священных японских территорий, а не просто ведут речь о восстановлении границ между двумя государствами, нарушенных в результате Второй мировой войны. Японские власти способны тонко манипулировать чувствами японцев – эмоциональными и политическими – к своей земле, истории и территории, превращая их в главную движущую силу национальной мобилизации и последующих притязаний на правовой статус «исконных» японских земель. Поэтому с такой маниакальной настойчивостью власти Японии продолжают последовательно «бомбардировать» российское руководство, требуя во что бы то ни стало вернуть Японии ее «исконные территории» Южных Курил, спекулируя на националистических чувствах японцев, ими же подогретых.

Работая на государственные интересы, японские националисты не устают подчеркивать «уникальность» японской нации и японской национальной культуры. В этих целях в Японии в 1970-е годы была даже разработана специальная националистическая «тео-

рия» – Нихондзинрон (досл. – теория японцев). Следует подчеркнуть, что националистическая «теория» об исключительности японской нации разделяется и принимается подавляющим большинством японского общества. Японцам приятно видеть и осознавать, когда иностранцы отдают дань уважения особому характеру японской культуры, национальным традициям, японской кухне, высокому эстетическому уровню, японской морали, архитектуре и т.п. При этом никто из японских националистов не говорит о том, что японский национализм не раз в истории являлся в форме агрессивного национализма и даже фашизма. Не говорят японские националисты и о том, что государство не раз в своей истории не выполняло собственные обещания, данные нации, и тем самым подрывало концепцию «горизонтальности нации», равных возможностей и равной ответственности лидеров перед своим народом, заменяя ее концепцией «вертикальной нации», когда народ становится лишь послушным исполнителем воли государства.

Исторический опыт развития японского национализма подтверждает теорию о его рукотворном, государственном происхождении, свидетельствует о том, что главной целью японского национализма всегда являлось укрепление государства. При этом националистическая идея как политическая доктрина держалась в Японии на трех опорах: во-первых, на том, что японская нация обладает ярко выраженной уникальностью и особым характером, во-вторых, на том, что интересы и ценности японской нации обладают приоритетом перед всеми остальными интересами и ценностями, и, в-третьих, на том, что японская нация должна быть независимой, насколько это возможно на данный исторический момент.

В истории Японии национализм как форма политики иногда выступал в форме оппозиции существующему правящему режиму. Так было накануне реставрации императорской модели правления, которая должна была заменить слабеющий режим военного правления сёгуната Токугава в середине XIX века. Тогда ради своего спасения во власти сёгунат пошел на политическое предательство государственных интересов и установил коллаборационистские отношения с великими державами Европы и США, прося их поддержки своему режиму. Мобилизация оппозиционных политических сил трех мятежных провинций южной Японии с использованием националистических лозунгов «сонно дзёи» – «восстановим власть императора, изгоним варваров» была предназначена только для того, чтобы покончить с существующим режимом сёгуната, реформировать его в националистическом направлении, укрепить независимость и суверенитет. Однако до-

бившись своих целей и свергнув « предательский » режим бакуфу, новое императорское правительство Мэйдзи, пришедшее к власти на националистических лозунгах, развернулось в своей политике на 180 градусов и само пошло на существенные уступки Западу, рассчитывая, в свою очередь, на его экономическую и силовую поддержку.

На наш взгляд, японский национализм вполне укладывается в типологию, предложенную Джоном Бройи. Последний выделяет несколько типов национализма в зависимости от того, за что каждый из них выступает и что поддерживает: национализм ради национального объединения; национализм ради проведения реформ; национализм, предполагающий готовность идти на временные уступки более сильным и могущественным государствам ради последующего укрепления национальной военной и экономической мощи¹⁴⁾. Подъем националистических настроений, как мы это видели на примере мобилизации политических и военных сил трех южных провинций Японии накануне реставрации императорской власти в 1868 году, был способен заменить одну систему власти на другую, объединить различные социальные группы и обеспечить общую основу их разрозненных социальных интересов. Японским националистам удалось тогда объединить в общем реформаторском порыве средних чиновников, часть недовольного внутренней и особенно внешней политикой сёгуната самурайского сословия, лиц свободных профессий, торговцев и интеллектуалов. В националистическом протестном движении в последние годы правления сёгуната Токугава участвовали крестьяне и рабочие, но их солидарность не носила классового характера, а была продиктована надеждами на императорскую власть, которая должна принести им облегчение в труде и улучшить их материальное положение. Однако в Японии национализм рабочего класса и крестьянства никогда не был оппозиционным государству. Напротив, мобилизованные в армию японские рабочие и крестьяне становились образцом выполнения воинского долга, служения императору и нации.

Теория японского национализма определяет важную роль интеллигенции в его становлении и развитии. Интеллигенция в Японии по большей части традиционно испытывала конформистские чувства по отношению к государству и нередко соглашательски воспринимала внутреннюю и внешнюю политику властей, его националистическую идеологию. Справедливыми в отношении японской интеллигенции представляются слова Джона Бройи о том, что « дискурсивные навыки, статусные интересы и профессиональные потребности лиц свободных профес-

сий делают их решительными сторонниками дела национализма»¹⁵). Интеллигенция Японии предпочитала всегда оставаться политкорректной в отношении государства и проводимой им внутренней и внешней политики, подчиняться вводимым ограничениям и действовать в рамках существующих в данный момент политических режимов.

Поэтому особое значение националисты Японии всегда придавали включению в свои ряды образованной интеллигенции, лиц свободных профессий, способствующих развитию и сплочению националистического движения как политического. В первую очередь в Японии обращали внимание на вовлечение школьных учителей и преподавателей вузов в националистические движения. Эта категория лиц умственного труда ставит категорию «нация» на первое место и придает ей соответствующее политическое значение. Именно их воображение и разум передают с помощью образов и символов очертания и эмоциональное содержание нации, придают национализму его мобилизующую привлекательность и направленность. Идеология и символика национализма, озвученные устами интеллигенции, всегда весьма значимы в политическом смысле слова¹⁶).

Японские теоретики национализма по-своему объясняют причины подъема современного японского национализма на рубеже XX–XXI вв. Они обращают внимание на углубляющийся разрыв между «государством» и «обществом» в Японии в условиях системного кризиса мирового капитализма. В этих условиях востребованность националистической идеологии в обществе действительно возрастает. Джон Бройи подчеркивает, что именно возникновение проблем раскола в отношениях между государством и обществом порождает национализм, поскольку он становится политической попыткой решения и этой сложной проблемы. Единственной заботой националистов от государственного управления становится восстановление гармонических отношений между властью и обществом¹⁷). Националистическая идеология в Японии, с одной стороны, удовлетворяет духовные потребности общества, напоминая ему об «исключительности японской нации», а с другой, – оказывает поддержку правящей элите по консолидации общества. Националисты при этом как бы возвращают общество к его естественному состоянию, акцентируя внимание граждан на восприятии национальной культуры и национальной уникальности через призму уникальности того государства, в котором они проживают и которому они всем обязаны. Другими словами, задача японских националистов в условиях системного кризиса капитализма заключается в наведении мостов между этнической

уникальностью нации и ее политической уникальностью, а практической целью национализма в данном случае становится гармонизация общества, воспитание чувства ответственности перед нацией как у рядовых ее граждан, так и у правящих элит.

Японские националисты эффективно справляются с этой задачей. Они воссоединяют общество и государство, активно пропагандируют идеи «уникальности» японской нации не только в рамках собственного государства, но и в сравнении с другими нациями. Националисты Японии незаметно «перескакивают» от культуры к политике, подменяют культурную самобытность японской нации политической нацией граждан. Своей пропагандой они стремятся восстановить славное прошлое нации, которое благодаря усилиям государства успешно преобразовано в светлое настоящее и оптимистическое будущее. Как подчеркивал Джон Бройи, и что справедливо в отношении национализма в Японии, – национализм есть «форма политики, которая может быть понятна лишь по отношению к тому, как развивалось государство»¹⁸).

При этом культурная идентичность японской нации становится основой ее политической мобилизации. Именно поэтому японские националисты так бережно охраняют культурную, этническую идентичность японцев, заботятся об уникальном культурном наследии нации и «индивидуальности» каждого отдельно взятого японца.

Японские националисты опираются в своей националистической пропаганде на религиозные, расовые и лингвистические особенности нации, однако они никогда не отрицают первичность роли государства. Национализм – это форма политики, но при этом это и форма культуры, основанная на уникальном историческом опыте развития нации, которая поддерживает его дух, внутреннюю энергию и динамику развития, создает основу для представлений последующих поколений об их общей судьбе с жившими до них предками. Поэтому японские националисты предлагают сценарии «выживания нации» в XXI веке, используя в том числе религиозную, расовую и лингвистическую идеологию и традиции, но никогда не забывая при этом о политических задачах развития государства.

Исконность национальной территории имеет для теоретиков японского национализма особое значение. Она выступает в качестве необходимой арены и формата государственной власти. Стремление непременно контролировать «свои исконные земли» – весьма характерная черта японского национализма; это «земли предков», исторические земли, а потому они столь желанны из-

за своей символической ценности, из-за своего политического значения или экономических ресурсов, принадлежащих японской нации. Бройи, например, считает государство силой, которая должна формировать привязанность граждан к национальной территории, любовь к символам, образам и понятиям национализма. В конечном счете, по Бройи, чтобы превратить «территорию» в «Родину», необходимы образы и националистическая символика, которую и закладывает в массовое сознание государство⁴⁹).

Японская нация и японский национализм были созданы сильным государством, сформировавшимся на основе единых культурных ценностей, которые существовали с далекой древности. Японское государство в своей истории было движущей силой процесса объединения разбросанных и слабоуправляемых из единого центра провинций. Центр нуждался в налоговых поступлениях, он участвовал во внутренних объединительных гражданских войнах, организовывал защиту японских островов от внешней агрессии, сам пытался осуществлять агрессию на материк. Но всегда при этом государство в Японии извлекало пользу из единства нации, которая поддерживала его власть и обеспечивала материальную сторону ее существования. Последнее было особенно заметно в периоды попыток внешних сил завоевать Японию (завоевательные походы Хубилай-хана на Японию в XIII веке и коллективное национальное сопротивление внешним захватчикам в период изоляции страны 1639–1868 гг.). Это значит, что в Японии государство всегда развивалось *pari passu* (наравне) с нацией, потому что у основного населения, которое поддерживало государство и населяло основную историческую его территорию, уже имелись единые мифы, воспоминания и символы, формирующие национальное самосознание. И даже если в отдаленном прошлом население Японии происходило из двух основных этнических источников – с севера Японию заселяли племена айну, а с юга – племена хаято, то в последующие исторические периоды обстоятельства их совместного проживания сплачивали эти разные народы, у них появлялось чувство культурной общности, которое, в свою очередь, создавало основу государственной власти и государственных институтов управления. Жители Японии использовали общий язык для отправления функций управления, для исполнения религиозных обрядов как заимствованного из Китая буддизма, так и национального синтоизма. И даже в период активного проникновения христианства в Японию в период XVI – начала XVII в. мессы в католических костёлах также проводились на японском языке, общем языке государства и общества.

Таким образом, государственный и культурный национализм в Японии исторически развивались рука об руку. Этничность и язык никогда в Японии не были альтернативной основой для мобилизации общества против государства и правящих элит. Модернизация Японии также не стимулировала этнические оппозиционные движения в стране, как это имело место в империях Европы (реформы Иосифа II в Габсбургской империи) или Азии (реформы танзимата – в Османской империи). Напротив, в Японии националисты традиционно обращались к народной культуре и общему национальному прошлому как к единственному фактору, который только и был способен объединить нацию и побудить ее к совместным действиям. Японские власти никогда не ограничивали себя в эксплуатации исторического культурного наследия для удовлетворения своих текущих политических потребностей и интересов. Они возвращались к этому не раз в ходе подготовки внешних агрессий в Китай в 1894–1895 гг. и в 1937–1945 гг., в Корею – в 1910–1945 гг., в царскую Россию – в 1904–1905 гг., в СССР – с конца 1930-х годов и в годы Второй мировой войны. Для правящей элиты Японии это было наиболее распространенным и надежным методом мобилизации нации на борьбу с ее врагами.

Идеология японского национализма всегда использовалась государством для мобилизации населения и легитимации своей агрессивной внешней политики. Власти страны действовали на ограниченном территориальном пространстве Японских островов, что, безусловно, облегчало задачи по сплочению общества на идеологической националистической основе, поскольку японская нация всегда оставалась пространственно ограниченной категорией²⁰. Государство и нация в Японии в своей истории отделялись от других государств и наций признанными и постоянно охраняемыми границами, которые четко обозначали рамки их юрисдикции и которые одновременно охранялись не столько даже многочисленной армией пограничников, сколько созданием легальных барьеров, препятствующих проникновению на территорию Японских островов иностранцев. Так было в период «закрытия» и изоляции страны от внешних сношений в период Токугава, так во многом остается и по сей день – натурализоваться в Японии иностранцам достаточно проблематично, и это относится не только к гражданам «враждебных государств», но также и к представителям «дружественных» стран.

Роль государства как центрального элемента националистической идеологии в Японии особенно значима. Японцы убеждены, что именно государство защищает нацию и национальную

культуру. Государство в Японии оказалось способным даже в наиболее неблагоприятные для этого исторические периоды послевоенной американской оккупации (1945–1951 гг.) сохранить культурную идентичность нации, ее коллективную память и отечество, этническое прошлое и национальное единство. Оно это сделало вопреки американской политике разрушения традиционного государственного и культурного японского национализма после Второй мировой войны. Власти Японии отстаивали национальную и государственную независимость, умело сопротивляясь американской политике демонтажа всего национального, начиная от искоренения японского национализма, его духовной основы – синтоизма, системы довоенного образования и кончая военно-промышленными корпорациями дзайбацу.

Американская оккупация не смогла разрушить фундамент японского национализма по одной простой причине – государство в Японии всегда серьезно относилось к сохранению этнических истоков нации. Они традиционно служили неотъемлемой составляющей националистической японской идеологии. Культурная история в Японии являлась прочной основой притягательности и успеха японского национализма в прошлом и настоящем.

Задача исследователей, работающих в области теории и практики современного национализма, в конечном счете, состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос: какое воздействие национальные и этнические явления способны оказать не только на состояние общественной жизни в той или иной стране, но также на международную практику и стабильность в мире? Эти знания особенно важны применительно к государствам, которые своей историей уже показали способность использовать национализм в попытках получить односторонние стратегические, экономические и политические преимущества в системе международных отношений за счет ущемления интересов других стран и их разрушения. В значительной мере это относится и к Японии, поведение которой в мире с конца XIX вплоть до середины XX века представляло собой значительную опасность для региональной безопасности и стабильности, влияло на нарушение глобального баланса сил.

Разумеется, теоретическое осмысление феномена японского национализма не исключает использования грубых моделей 1950–1960-х годов, которые преимущественно фокусировали внимание на идеологии национализма *per se*, на строительстве национального государства в Японии по модели «кокутай», ибо в тех или иных латентных формах эти модели работают и сегодня. Однако по прошествии нескольких десятилетий уже в начале XXI века японский национализм испытывает на себе заметное влияние

ряда новых факторов, которые стимулируют и нацию и государство на активизацию националистических движений и националистической мысли в Японии. К ним в первую очередь относится распространение глобализации, массовой американской культуры, подъем националистического движения в мире после «холодной войны», переписывание истории, модификация и адаптация исторических символов, мифов и исторической памяти в политической практике государства, стимулирующих и активизирующих националистические движения и националистическую мысль в Японии.

Идеологи современного национализма в Японии в новых исторических условиях делают больший акцент на «примордиальные», т.е. исконно присущие нации и укоренившиеся в общем культурном наследии и языке атрибуты этого феномена. К ним в первую очередь относится восстановление сильного чувства коллективной принадлежности к уникальной японской нации, акцент на отношения кровного родства всех японцев, их готовность к самопожертвованию. При этом государство усиливает пропаганду тесной взаимосвязи между этническими особенностями японской нации, с одной стороны, и принципиальным подходом к защите исконных границ национальной территории, предполагающим идти до конца в решении спорных территориальных проблем со своими соседями по региону, – с другой.

Японские националисты переосмысливают развитие японской нации с точки зрения процессов *long durée*, т.е. долговременности ее исторического развития, отличавшегося непрерывностью во времени и в пространстве. Согласно теории перенниализма, японские националисты выводят историю развития японской нации из фундаментальных этнических корней, а не из процессов ее модернизации. Поэтому столь большое значение придается распространению в массовом сознании японцев мифов о происхождении японской нации, о националистической символике, о ценностях и националистических привязанностях японцев, начиная с рассказов об этом в детских садах и заканчивая популяризацией этих сюжетов в телевизионных программах и в многочисленных популярных у японского массового читателя комиксах – манга. Японские власти искусственно, но последовательно выковывают субъективное историческое измерение японской нации и японского национализма.

Решая задачи в области националистической пропаганды в современных условиях, государство в Японии использует историческую память о войне, но не о той войне, которую страна проиграла и военные преступники которой были осуждены между-

народным военным трибуналом, а о той, в которой национальные герои Японии отдавали жизни за защиту суверенитета и независимости своей Родины. Представляется, что в Японии еще долго не наступит «постнациональный» порядок, о котором так много пишут современные постмодернисты, убежденные в поглощении национальной идентичности глобальной культурой в условиях наступления эры глобализации.

Тезис о готовности японцев еще долгое время сохранять свои национальные корни, свою самобытность и избегать поглощения «глобальной культурой» находит свою аргументацию в прошлой истории страны. Во-первых, с ранних этапов организации государства в Японии японцы демонстрировали чувство преданности ему вначале на уровне своего даймё (сюзерена), а впоследствии – на уровне сегуна или императора как главы «большой японской семьи». Во-вторых, японцы умело защищали свою территорию как на уровне общины, так и на уровне государства. Они оберегали свои «святые места», связывая с ними представления о «Родине». В-третьих, японцы оберегали свой язык и систему письма в различные периоды истории, включая и период американской оккупации страны после Второй мировой войны. В-четвертых, свой национализм японцы традиционно наполняли религиозными представлениями. Это в первую очередь относится не столько даже к заимствованной религии буддизма, сколько к национальной религии синто, которая в большей степени выражала этническую «избранность» японской нации. Именно синто поддерживало в нации дух к сопротивлению любым внешним интрузиям и посягательствам на национальный суверенитет. В-пятых, большую роль в сохранении национальной идентичности японцев играла в прошлом, играет в настоящем и, вероятно, будет играть в будущем историописание нации: знаменитые национальные памятники Японии Кодзики, Нихон сёки, Сёку Нихонги, Дай Нихон си, общее содержание которых хорошо известно каждому японцу. Чувство общей истории нации, того, что называется «этноисторией», пустило прочные корни в массовом сознании японцев. Наконец, в-шестых, важную роль в поддержании японского национализма играют ритуалы и национальные церемонии. В Японии поддержание национальных традиций, подготовка и проведение красочных национальных праздников, всякого рода церемоний с использованием национальных символов и ритуалов – все это является выражением коллективной идентичности и солидарности нации в оценках национальной культуры и традиций. Проведение национальных праздников опирается на центральную роль мифов о национальных истоках и происхождении япон-

ской нации, о родовых памятниках и обрядах поминовения, в ходе которых японцы особо чтят память «великих усопших» и героев, павших за спасение Родины.

3. Японские ученые-теоретики о японском национализме

Влиятельным и авторитетным японским ученым-теоретиком по проблемам национализма считается профессор Токийского университета *Маруяма Масао* (1914–1996). Маруяма разработал свое понятие «японская нация» и выделил основные этапы развития национализма в японской истории. Он изложил это в работе «Логика и психология японского ультранационализма»²¹⁾ (Тёкок-касюги-но ронри то синри), вышедшей в 1946 году, т.е. сразу после окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии. Исследование Маруяма было переведено на английский язык и получило широкую известность на Западе. Правда, интерпретация японского национализма по Маруяма способна, с нашей точки зрения, несколько исказить его суть, особенно когда он пишет о гиперинтенсивном национализме в Японии, «выходящем за национальные рамки» и распространяющем свою идеологию и влияние на другие государства. Многие европейские теоретики национализма не согласились тогда с односторонней интерпретацией национализма, посчитав, что он увидел в нем лишь «разрушительную силу». Он также во всех своих произведениях делал вывод о том, что в Японии ни в коем случае нельзя допускать восстановления национализма ни в какой форме. Вместе с тем Маруяма никогда не позиционировал себя убежденным критиком японского национализма, он его не осуждал в принципе. Он пытался лишь критически оценить предвоенную и военную ситуацию в Японии, в которой ультранационализм «правил бал». В своих же произведениях Маруяма широко пропагандировал идеи своего уважаемого учителя, японского просветителя Фукудзава Юкити, который, в свою очередь, мечтал о завершении национального проекта «построения в Японии демократического здорового национализма»²²⁾.

Итак, какой смысл вкладывал Маруяма в ключевые теоретические понятия «национализм» и «нация»? В 1944 году, накануне своей отправки в императорскую армию, Маруяма разработал теорию японского национализма, проследив его развитие от периода реставрации Мэйдзи до середины XX века, т.е. на этапе модернизации, демократизации и японского государственного